

DOI: 10.47026/1810-1909-2022-2-98-111

УДК 39:006.95(=512.111)
ББК Т521(2)(=635.1)-712.1

В.Г. РОДИОНОВ

**«ЗАПИСКА» («РИСАЛА») ИБН ФАДЛАНА
И ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР
(X век)**

Ключевые слова: этногенез булгар, внутриэтнические группы, этноним, Хазарский каганат, пассионарии, литературный жанр, образы, предания.

Упомянутые в «Записке» Ибн Фадлана племена до их миграции на Среднюю Волгу обитали на территории Хазарского каганата (Северный Кавказ, Волго-Донские степи). Именно там они стали переходить к оседлому образу жизни, а также сближаться по языку и культуре. Основная часть племен генетически относилась к тюрко-огурам, предки берсил были персоязычными, а эсегел – уграми. Их этнонимы построены, соответственно, совершенно по иной форме. В период формирования государства волжских булгар термин ас-сакалиба означал не конкретный этнос, а политическое объединение разных северных племен. С X в. его место занял политоним болгар (булгар), известный в византийском мире еще с конца V в. и означавший огуриязычных наследников гуннов. Процесс взаимодействия внутриэтнических групп волжских булгар того времени проходил с опорой на традиции, с одной стороны, мигрантов с Северного Кавказа и, с другой – булгарских этнических групп с Волго-Донских степей. Основными лидерами этих внутриэтнических групп в 922 г. были, как описал Ибн Фадлан, эмир Алмыш и некий «самозванец» из среды сувар по прозвищу «вор, разбойник, бандит» (Вăрăх). Основной причиной общественной смуты послужило официальное принятие булгарским царем религии ислам, за которым предстояло забвение традиций предков. Общество разделилось на две группы: традиционалистов и пассионариев. Культ мусульманских святых волжских булгар сложился путем развития ранних генеалогических преданий огуро-булгарских племен. Со временем они слились с образами из иудейско-мусульманской литературы. Новое этническое сознание волжских булгар с X в. начало функционировать в двухуровневом режиме. На межгосударственном уровне утверждается экзоэтноним булгар, а на уровне региона и булгарского этноса – эндоэтноним буляр.

Автор словарной статьи «Булгары (болгары)», опубликованной в Т. 1 «Татарской энциклопедии» [32. С. 492], определяет данное сообщество как средневековое этнополитическое объединение. В конце VII в., когда Великая Болгария была завоевана хазарами, третья часть булгар расселилась в Поволжье. Там они оказались в окружении «этнически близкого тюркского и угорского населения. Кроме огуро-булгар в Поволжье переселились алано-хазарские (барсилы, баранджары), тюрко-огурские (савиры), центральноазиатские (эсегели) племена» [32. С. 492]. В процессе складывания государства, как утверждает автор, наиболее сильной оказалась этнополитическая общность булгар во главе с Алмышем.

В «Чувашской энциклопедии» болгары (булгары) названы народом тюркского происхождения, участвовавшим в этногенезе чувашей, казанских татар, балкарцев, дунайских болгар. В этой словарной статье утверждается, что в VIII в. в Волго-Камье возник Болгарский союз племен, куда под главенством болгар вошли суварские и местные финно-угорские племена – предки марийцев, мордвы и удмуртов [35. С. 227]. При этом авторы последней статьи полностью опираются на новое прочтение А.П. Ковалевским в «Записке» Ахмеда ибн Фадлана названия одного племени (суван), которое, как уверенно утверждал историк-арабист, в оригинале переписчика имело форму суваз, т.е. как бы сувар, но с точкой над *p* [18. С. 14]. Арабисту проще было признать данную

форму в Мешхедской рукописи ошибкой переписчика, ибо *сувар* как названия племени и болгарского города у большинства исследователей никогда не вызвали сомнений. Но обстоятельства, сложившиеся в науке после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. (в нем была подвергнута критике идеализация татарскими историками и литераторами Золотой Орды и имелось предупреждение: «не смей увязывать историю и культуру татарского народа с Золотой Ордой» [10. С. 55]) вынудили А.П. Ковалевского принять позицию автохтонного происхождения тюркских народов Поволжья. Данная теория, не признававшая никаких этнических миграций, была спущена сверху по партийным каналам для внедрения в научную среду. В этих условиях наследие волжских болгар было «передано» татарскому этносу, а чувашам «оставили» историю и культуру ассимилированного местного (т.е. финноугорского) племени (*сувар*) [18. С. 27–51]. Общий вывод весьма неординарен: чувашский этнос, разговаривающий на болгарском языке, относится к финноугорским автохтонам, а казанские татары (их язык, представляющий собой один из кыпчакских диалектов Ногайской орды [30. С. 258–259]) являются настоящими булгарами (без своего исторически известного *r/l*-языка!). Явное противоречие в логическом суждении болгаристов впервые попытался снять А.П. Ковалевский, который (прежде всего на основе ошибок переписчика рукописи) выделил два диалекта волжских болгар: болгарский (*r/l*-) и «сувазский» (*z/š*-) языки [18. С. 50–51].

Выявление особенностей раннего этапа формирования волжских болгар как целостного этноса (оно является основной целью данной статьи) сегодня невозможно решить без всестороннего и более глубокого изучения ряда конкретных этнологических проблем. На наш взгляд, они несколько односторонне рассмотрены во втором томе «Истории татар» [15. С. 631–658, 368–376]. Во-первых, при весьма удачной реконструкции этнополитического и этноконфессионального сознания «верхов» болгарского этноса, на наш взгляд, почти не исследовано сознание «низов» данного этноса, не раскрыт механизм функционирования его внутриэтнического конфликта, который строится, как правило, на взаимодействии групп с различной ценностной ориентацией [19]. Во-вторых, в стиле повествования авторов в той или иной степени сохранен дух научных споров казанских и чебоксарских болгароведов 1950–1970-х гг.

В первую очередь нам следует конкретизировать тип культурно-языкового сообщества отдельных племен, вошедших в состав волжских болгар. Упомянутые в «Записке» Ибн Фадлана два племени (булгары и сувары), а также небольшая группа «баранджар»-мусульман (в количестве пяти тысяч мужчин и женщин) до их миграции на более северные земли Волжского бассейна обитали, как известно из разных источников, на территории Хазарского каганата (Северный Кавказ). В письме хазарского правителя Иосифа одному еврейскому сановнику (написано примерно в 950–960-е гг.) перечислены десять сыновей *Тогарм* (очевидно, *Торгом*, потомок библейского Яфета, с которым связывали, как правило, тюркские племена), имена некоторых из них близки к известному оногурскому кругу имен (*он* + *огур* «десять племен» [13. С. 282]): *Агийор* (*Огор*), *Авар*, *Хазар*, *Б-лз-р*, *Савир* [15. С. 666]. Имя пятого сына (*Биз-л*) фонетически весьма близко стоит к этнониму *басил* / *барсил*, племя под этим названием постоянно встречается рядом с гуннскими племенами Северного Кавказа (оногуро-булгарами и савирами) [7. С. 84]. По сообщению Ибн Русте (он был знаком с рукописью Ибн Фадлана [12. С. 56, 68]), данное племя (в форме *барсула*) тоже находилось в составе волжскобулгарского союза [15. С. 702].

В Мешхедской рукописи Ибн Фадлана несколько раз отмечается, что в стране *ас-сакалиба* («белолицых людей» [1. С. 36]), кроме царя племени булгар, имевшего титул *йылтывар* («Сохрани царя йылтывара, царя булгар» [16. С. 132, 198]), присутствовали четыре царя (князя), но в тексте фигурируют названия лишь трех племен (*булгар*, *сувар* и *эскел*). Четвертым племенем следует считать сообщенное Ибн Русте название племени *барсула*. Не представлял ли пятый человек, тоже названный царем, этническую группу *баланджар* (*беленджер*)? Эти люди, будучи мусульманами, являлись, скорее всего, мигрантами из одноименного города Хазарского каганата, название которого, по мнению одних исследователей, иранского происхождения, а других – тюрко-огурского [13. С. 275]. Древний политический центр Хазарии, известный под названием *Беленджер*, был расположен на территории бывшей страны Берсилии (Терско-Сулакское междуречье современного Дагестана). На археологических памятниках данного ареала наиболее выразительно сохранились традиции тюркоязычных кочевников «царства» гуннов: савир, булгар, барсил.

Барсилы. В греко-византийской традиции барсилы появляются, как отмечает А.В. Гадло, в связи с повествованием о разгроме северокавказских племен аварами (50-е гг. VI в.). В источниках названы следующие племена: *барсельт* (барсилы), *унугур* (булгары) и *савир* [7. С. 84]. Барсилы в VII в. занимали северные районы степи, прилегающие к низовьям Волги, и являлись ближайшими соседями савиров. «И, видимо, не случайно после образования Хазарского каганата, – пишет А.В. Гадло, – осколки барсилов (берсула) и савиров (сувар) вместе оказались на Средней Волге, где составили часть волжско-булгарской конфедерации» [7. С. 84]. Ученый допускает, что барсилы в период борьбы гуннского объединения с аланами включили в свой состав отдельные родовые подразделения алано-сарматского круга и испытали на себе их влияние. Такое предположение получает объяснение иранского имени предводителя хазир и барсилов [6. С. 42; 7. С. 87].

В исследованиях К.Ю. Рахно, известного ученого из Украины, конкретно показаны сармато-аланские элементы в культуре ранних волжских булгар, прежде всего на материале Ахмеда ибн Фадлана [25, 27]. В осетинском нартовском эпосе сохранились названия этнонимов *оногур* и *булгар*, что указывает на их тесные связи с предками осетин еще в период их совместного проживания на Северном Кавказе [26]. Аланизмы в чувашском языке, относящиеся к древнебулгарскому периоду (*сава* «коса», *хәмла* «хмель», *сәра* «пиво» и др. [13. С. 217, 265, 270]), позволяют предположить, что булгарские племена стали переходить к оседлому образу жизни уже на Северном Кавказе. Как известно, лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, в том числе и катакомбные могильники, оставили аланы, а степной, к которому относился и хазарский город *Саркел* (*сар* > *шар* «белый» + *кел* «дом, жилище» [33. С. 292]), – булгары. Как обобщает С.А. Плетнева, именно эти два этноса были создателями культуры Хазарии [24. С. 64, 70]. Очевидно, их объединял и хазарский язык, входивший в отдельную группу булгарских языков [2. С. 237–238] и способствовавший в регионе межплеменному общению. Сами барсилы, генетически будучи ираноязычными, в степях Северного Кавказа были ассимилированы тюрками-огурами еще первой волны [5. С. 88]. Название данного племени Н.И. Ашмарин отождествлял с названием «реки Берсулы, правого притока р. Камы, впадающего в последнюю несколько выше г. Чистополя» [1. С. 116]. Этноним обычно объясняют как словосочетание названия тотемного хищного

зверя (*барс*) и племенного союза (*эл*) [34. С. 10]. Огуро-булгарские племена, в отличие от огузских, в своих самоназваниях имели, как правило, ротацированный вариант слова со значением «союз племен»: *огур* > *-гур*, *-гар*, *-гир*, *-джар*, *-джер* и т.д. [13. С. 335–336]. Этнонимы бул(*гар*), су(*вар*) и белен(*джер*) содержат вышеперечисленные варианты со значением «союз племен». Этнонимы берс(*ил*) и эсег(*ель*) построены совершенно по иной форме (в них сообщество племен определяется другим словом идентичного значения (*эль*)).

Отсутствие данного племенного названия в основе Мешхедской рукописи Ибн Фадлана наводит на следующую мысль: не принадлежал ли Алмыш сын Шилки племени берсула? Ведь он первоначально был назван царем *ас-сакалиба*, а потом царем булгар (если они являлись политонимами, то обязательность упоминания его племенной принадлежности само собой отпадала). Но как согласовать такое предположение с сообщением А.Н. Москаленко, что при раскопках Малого Боршевского городища была найдена монета эмира Волжской Булгарии, которую С.А. Янина прочитала как «Эмир барсал» [22. С. 103]? Клад был зарыт не позднее середины X в. Быть может, на этой монете Алмыш указал свой ранний (племенной) титул? А если этот эмир не Алмыш, а конкурирующий с ним царь (князь)? Пока вопросы оставим без окончательного ответа.

Савиры. Данное хуннское племя, судя по названиям их социальных и мифологических терминов в «Истории Агван» Моисея Каганкатваца [21] (*тархан*, *Алп-Илитвер* < *Алп Элтебер*, *Танерихан*), были огуроязычным этносом. Так, бог огня, производящий искры громоносных молний, эфирные огни, там назван *Куар* (< *др.-булг. *kō:r* > чув. *kāvar* «горящие угли»; *вут-kāvar* «пожар». Ср.: огуз., турк. *kō:z* «тж») [31. С. 173]. Описанный в указанном источнике огурский обряд скачек на кладбище в нагом состоянии [21. С. 193] вместе с термином *дор/дур* (< др.-тюрк. *joɾ* «поминки») [11. С. 31] вошли в язык и культуру предков осетин, следует полагать, именно в период вышеназванной летописной фиксации (VII в.). Фонетический облик древнетюркского *joɾ* в аланском (*дор/дур*) отражает переходный этап анлаутного *j*- в булгаро-чувакском через *d*-образный звук в *ç*: *çāv/çu* (чув. *çāv+a* «место поминок» → «кладбище») [29. С. 110–112]. Главной составной частью данного поминального обряда были конные скачки между могилой и родным домом умершего [29. С. 116–120]. При этом у савир во время похоронно-поминальной церемонии истязали свои тела все его участники, у булгар, по сообщению Ахмеда ибн Фадлана, если умерший был из богатой знати, это дело поручали их слугам [16. С. 140]. По утверждению С.А. Плетневой, подобная сцена (ритуальная пляска с оружием) зафиксирована как рисунок на стенах Маяцкого городища (не ранее второй половины IX в.) [23. С. 91].

Булгары. Наиболее ранние могильники, оставленные булгарами в Среднем Поволжье со второй половины VIII в. до первой половины IX в., расположены в юго-западной части будущей территории Волжской Булгарии (по обоим берегам Волги). Для них была характерна, как отмечает Е.П. Казаков, «лепная плоскодонная собственно болгарская горшковидная кочевническая керамика степей Юго-Восточной Европы» и «круговая посуда салтовского облика», заимствованная булгарами у кавказских алан [14. С. 187]. После продвижения вверх по Волге и Каме (вторая половина IX – первая половина X в.) булгарские этнические группы встречаются с финно-угорским населением (носителями помолско-ломоватовской и кушнаренковской археологических культур) [14. С. 187–189].

Ибн Фадлан называет «Алмышу ибн Шилки *йылтывар*а», как было замечено выше, царем *ас-сакалиба* [15. С. 717]. Это же имя имеет один из сопровождающих посла со стороны аббасидского халифа – Барис ас-Саклаби

[15. С. 717], который своим происхождением несомненно был связан со страной *ас-сакалиба*. Именно так она была официально представлена аббасидскому халифу, следовательно, всему мусульманскому миру. По мнению С.Г. Кляшторного и П.Н. Старостина, территория Волжской Булгарии до X в. была известна как страна *ас-сакалиба* [14. С. 217]. Народ этой страны, со слов одного хорезмийца (1042 г.), по происхождению находится «между тюрками и славянами» [14. С. 217]. Следует полагать, что во времена формирования государства волжских булгар термин *ас-сакалиба* означал не конкретный этнос, а политическое объединение разных племен. С X в. его место занял политоним *болгар* (*булгар*), известный в византийском мире еще с конца V в. [14. С. 181] и означавший прежде всего огурыязычных наследников гуннов. Предки Алмыша, сына Шилки, которые хорошо сохранили традиции кочевого быта, до миграции на север жили, как полагает большинство булгароведов, в Приазовье [15. С. 137] и Подонье [15. С. 14]. Они по культуре и языку были похожи как на степняков Северного Кавказа (барсил, савир и баланджар), так и на ранних булгар на Дунае [2. С. 231–236]. Найденная монета с титулом «Эмир барсил» склоняет нас к мысли, что «царь булгар» генетически принадлежал к племени берсула. Первоначально он имел родо-племенной титул *йалтывар* (чув. *йал* «народ», «община», «племя» + *тёпер* «род», «племя»), после принятия ислама – эмир (первоначально племени барсил, лишь потом всех булгарских этнических объединений). Примерно с такой последовательностью сложился политоним «булгар», который как этнический маркер функционировал во внешнем мире. Одновременно с этим экзоэтнонимом складывался новый эндоэтноним, естественно, на основе изменяющейся реальности. Но на этом вопросе остановимся несколько позже.

Эсегель (*эскель*). Данное название кочевой племени волжских булгар Б. Мункачи сближал, как сообщает Н.И. Ашмарин, с именем венгерских секелов (*székely*) (в книге описки: секлеров) [1. С. 116]. Ф. Ш. Хузин связывает происхождение этого племени, как А.Х. Халиков и А.М. Белавин, «с прикамско-приуральским этническим массивом», размещая их в северо-восточных районах Волжской Булгарии [15. С. 137], а В.А. Иванов – между Прикамьем и степями Южного Урала [15. С. 413]. Языковую и культурную принадлежность *эсегель* А.М. Белавин определяет как угорскую или угро-финскую, а этимологию этнонима объясняет как древнетюркское словосочетание *эски* «старые» + *эль* «племена» [15. С. 396]. И.Л. Измайлов и Ф.С. Хакимзянов в результате поиска предков *эсегель* с *z/š*-языком находят их в Семиречье и Восточном Туркестане («карлукский род чигилей, наряду с ягма, являлся создателем государства Караханидов» [15. С. 623]).

Последнюю гипотезу аргументированно отвергает Н.В. Беленов [5. С. 88]. Ученый считает, что *секели* (вариант *эсегель*) после вытеснения предков венгров с левобережья Волги (по рекам Самаре, Большому Кинелю и Кондурче) были втянуты в общепулгарские процессы перехода к оседлому образу жизни, вследствие чего переместились севернее, ближе к суварам [4. С. 53–54]. Там же исследователь пишет, что на последнем этапе существования Волжской Булгарии область проживания *эсегель* окончательно локализуется на правом берегу Волги, в Ульяновском Поволжье и в правобережных областях Татарстана. Именно здесь располагался город Ошель, название которого образовано, как полагает Н.В. Беленов, от вышеназванного племенного названия [4. С. 54].

В статье «Происхождение племени *эсегель* и его историческая роль в образовании государства волжских булгар» Н.В. Беленов подтверждает предположение Б. Мункачи о происхождении венгерских секелей от булгарских *эсегелей*.

Секели вплоть до XVII в. сохраняли руническую письменность, аналогичную праболгарской, и особый язык. По собственным преданиям, «они выводили себя от гуннов, что можно говорить об их принадлежности к тюркам-огурам» [4. С. 54]. По предположению автора, после распада Великой Болгарии эсегели оказались в числе племен, переселившихся в Волго-Донские степи, оттуда отправились на Среднюю Волгу. Оставшаяся на прежнем месте часть «оказалась в вассальной зависимости сначала от печенегов, а затем от половцев» [4. С. 54].

До настоящего времени нет удовлетворительной с точки зрения исторической этнолингвистики этимологии названия данного племени волжских болгар. Исторический факт соседства эсегель с предками венгров, а также наличие в составе венгерского народа отдельной этнической группы (*székely*) требуют от этимолога особого внимания к словам угорской группы финно-угорских языков. Само название хантыйцев (*аско*, *асхо*) содержит, скорее всего, основы лексем *Ас* «река Обь» и + *кум* (*хум*) «человек», «мужчина» [20. С. 391, 132], что дословно переводится как «человек с реки Обь». Исконно угорское словосочетание под воздействием языка тюрко-огур превратилось в название племени (с помощью тюркского слова *эль* «племенной союз»): *аск(х)у* + *эль*. Затем под воздействием тюркского сингармонизма все гласные превратились в передние (не позднее X в.): *эсехель* (*секель*). По законам изменения болгаро-чувашских анлаутных гласных (др.-тюрк. *э* > чув. *а*-) угорское словосочетание в болгаро-чувашском языке обрело передний ряд гласных (*асхал*). В результате перехода *с* в *ш* и выпадения *х* (эти изменения типичны для болгаро-чувашского языка) к XIII в. эндоэтноним обрел форму *ашул*, что зафиксировано в названии болгарского города *Ошель* (в русском произношении). В чувашском языке он сохранился в названии священного места (на месте сгоревшего Ошеля?) в формах *Ашул*, *Ашӑл* [29. С. 314–315]. В русском названии чувашской деревни Альшеево (Тетюшский район, РТ), что находится недалеко от Богдашкинского городища, предполагаемого места расположения Ошеля [15. С. 195–196], сохранился корень слова *Алшӑ*, который образован, скорее всего, от *Ашӑл* (путем перестановки местами согласных звуков, т.е. метатезы). Чувашский вариант (*Элшел* < *Эшел*) отражает фонетическую особенность соседнего татарского языка (чув. *а* = тат. *ә*).

Итак, этнолингвистический разбор этнонима *эсегель* и выявление фонетических особенностей его трансформации в последующие этапы позволяют утверждать, носители данного этнонима первоначально были угороязычными, а затем, связав свою судьбу с гуннами-огурами, еще в Волго-Донских степях стали похожими на огуро-болгар как по культуре, так и по языку, а также получили от них пассионарную энергетику.

Для определения фазы этногенеза огуро-болгарских племен к 922 г. нам следует обратиться к этнической истории хуннов и гуннов. По авторитетному обобщению Л.Н. Гумилева, исторический период хуннского этногенеза продолжался 1188 лет (209 до н.э. – 979 г. н.э.). К этому числу ученый прибавляет инкубационный период – около 150 лет – и время существования, которое он метафорически назвал “посмертным” (конец этноса не означает физической гибели его членов, а только распад системы, забвение традиции и возможность для уцелевших особей войти в состав других этносистем) [9. С. 196]. Здесь речь идет о хуннах, которые не сменили свой первичный этноландшафт. Западные хунны из Центральной Азии в 155–158 гг. достигли берегов Волги, где вошли в контакт с аланами. История хуннов за последующие двести лет

совершенно неизвестна. Но сохранились этногенетические предания о происхождении гуннов, которые будто бы являются потомками детей от колдуний и «нечистых духов» [9. С. 102]. Метизация и новый ландшафт, климат и новое этническое окружение, по мнению Л.Н. Гумилева, совершенно изменили облик пришлых хуннов (учеными они названы уже гуннами). Хунны и аланы являлись ровесниками по этногенезу, но гунны, по определению автора, имели более высокую пассионарность, по этой причине гунно-аланская война (360–370 гг.) закончилась победой гуннов. В этой победе была и заслуга союзнической политики последних. У них было много друзей, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умножавших их ряды. Это достигалось терпимостью и взаимностью. Благодаря такому симбиозу племен гунны возвращают молодость хуннов еще на сто лет [9. С. 128–129].

Группа родственных племен «царства гуннов» (хазары, савиры, барсилы, беленджеры и другие оногурские племена) в начале VI в. укрепилась в степях севернее Дербента и постепенно начали переходить к оседлому, частично и городскому, быту. Но их значительная масса сохраняла кочевой быт и скотоводство. В 80-е гг. VII в. эти гуннские племена вошли в состав Хазарского каганата [14. С. 265]. В начале X в. наиболее пассионарными из огуро-булгарских племен несомненно были хазары, так как в VI–VII вв. многие хазарки рожали своих детей от тюркских богатырей, а те приняли к себе царевича из рода Ашина. В результате метизации хазары получили пассионарный генофонд тюркютов [8. С. 145]. Булгары-утургуры оказались на стороне другой оппозиционной партии, по этой причине хазары их разгромили около 670 г., и первые мигрировали на Дунай, в Венгрию и Италию. Ученый допускает, что часть болгар оказалась в Волго-Камье именно после вышеназванного исторического события [8. С. 21–22]. Современные исследования позволяют связать миграцию болгарских эсегель с захватом их среды обитания (Волго-Донские степи) печенегами. Последние, как полагает Н.В. Беленов, спровоцировали еще одну масштабную миграцию – переселение угро-мадьяр сначала в Этельгузу, а затем в Паннонию [3. С. 66]. Покорное поведение царя эсегель в отношениях с болгарским царем Алмышем подтверждает как бы более низкий статус эсегелей в новом этнополитическом сообществе на Средней Волге. Но их князь смог заключить с йылтываром болгар родственный союз, этот факт весьма значителен, он скрывает неизвестные нам тайны, связанные, скорее всего, с их старой родиной. Очевидно, эсегели и по хазарским вопросам были солидарны с царем болгар.

Из «Записки» Ибн Фадлана можно вычислить главного оппонента Алмышя – это племя сувар, которое сначала не хотело переселяться вместе с «эмиром болгар Джафаром» (новый титул и имя бывшего болгарского йылтывара Алмышя), а потом, после угроз «клиента повелителя правоверных», они повиновались [16. С. 133, 139]. Название племени А.П. Ковалевский в начале (1939 г.) перевел, как записано в Мешхедской рукописи, – *саван*, но в комментарии указал, что Заки Валиди допускает и *савар* [17. С. 76, 126]. В 1950–1951 гг. (в двух статьях в сборнике «Исторические записки») он согласился с версией ученого эмигранта, но в 1954 г., не без активного воздействия чебоксарских ученых (точнее: суваристов), он выдвинул так называемую теорию суварского происхождения чувашского народа [18].

Особый этнологический интерес вызывает описание дальнейших действий (после отказа «сувазов» переселиться вместе с «клиентом повелителя правоверных»): «И они разделились на две партии. Одна партия – с разным

отребьем, а над ними еще раньше провозгласил себя самозванным царем некто по имени *Вырыг*» [16. С. 139]. А.П. Ковалевский полагал, что, используя слово «отребье», Ибн Фадлан выразил свое отношение «к оппозиционной партии у болгар, не желавшей подчиниться царю и принимать ислам» [16. С. 223]. Это первое и серьезное объяснение причин неповиновения отдельной части болгарского населения, прежде всего племени сувар. Другое объяснение – это традиционная перекочевка для всенародного утверждения решения о «заложении будущей столицы государства» [15. С. 145]. Можно объяснить такое разделение болгарских племен и с их хозяйственно-производительной деятельностью того периода (племена с Северного Кавказа предпочитали земледельческий труд, а племена с Волго-Донских степей – кочевое скотоводство).

В данном случае исследователь может получить дополнительную информацию от этимологического разбора имени лидера партии «отребья», которое имело, скорее всего, эмоционально-отрицательное содержание. А.П. Ковалевский впервые расшифровал это имя, услышанное из уст переводчика эмира болгар Алмыша, как *Вираг*, с возможными вариантами [17. С. 76, 127], и конкретизировал, что данное слово обозначает имя предводителя или главы рода, а не название племени. С 1954 г., когда переводчик заменил ранее прочитанное слово «суван» фонетически приближенной к этнониму «чуваш» лексемой «саваз» [18. С. 30], и имя лидера партии «отребья» было несколько изменено (*Вырӑг*, *Вырыг* [16. С. 139]. «Учитывая чувашские формы типа *вырӑн* – «место», *вырӑс* – «русский», – обосновал он расшифровку гласных звуков в «Записке», – читаю *Вырӑг*» [16. С. 224].

Для стандартных тюркских языков слова, начинающиеся со звука *v*, нетипичны, они встречаются лишь в заимствованиях. В отличие от них чувашский язык богат этой фонемой-дифтонгом, образованной в начале слов не позднее рубежа IX–X вв. (например, волж.-булг. *vatax > вост.-слав. *vataga* «шатер», но пратюрк. *otag*; чув. *вӑрӑ* < пратюрк. *ogri* «вор» [11. С. 37, 53]). Вполне допустимо, что последним словом с отрицательными значениями «вор», «разбойник, бандит» был назван лидер партии возмутителей, которое арабские гости приняли за его собственное имя.

За какие идеи и деяния предводитель оппозиционной партии болгар заслужил такой резкой оценки Алмыша? Очевидно, не только из-за отказа перекочевки к реке Джавшыр. Из перевода можно понять, что так называемый *Вӑрӑх* стал известен своими деяниями еще до приезда членов посольства от Багдадского халифата (он еще раньше «провозгласил сам себя самовольно царем, не будучи таковым» [16. С. 224]). Так как написанное арабское слово, по утверждению А.П. Ковалевского, может означать не только царя болгар, но и племенных князей его царства, то мы можем выдвинуть две версии: 1) *Вӑрӑх* из племени сувар самовольно объявил себя князем своего племени; 2) князь суварской племени самовольно объявил себя йылтываром (царем) болгарского союза племен. Этот самозванец, по оценке неопита Алмыша, просто разбойник и бандит, разрушающий устоявшиеся нормы становящегося государства волжских болгар, на его стороне – лишь «отребья» («худые болгары»), кормящиеся своим физически трудоемким занятием (вспомним официальную позицию царской власти на бунт Пугачева и его сторонников). Эта позиция «верхов», так называемой элиты этнического сообщества.

По данной модели этнического конфликта должна быть позиция «низов» («отребья»), которая придерживалась диаметрально противоположной точки

зрения. Для них важнее все традиционное, начиная от типа хозяйствования до религиозного сознания, норм поведения и этикета, обрядово-ритуальных аспектов повседневного быта (вспомним поведение чувашских крестьян, которые, с разрешения пугачевцев, жестоко наказывали служителей церкви своих приходов). В данном случае оппонент Алмыша мог требовать от него: либо возврата к политической жизни при его отце (Шилки), либо постройки крепости на другом месте и т.п. Вполне допустимо, что некоторые действия недовольных официальной властью людей далеко выходили за рамки принятых в болгарском обществе правовых норм того времени. Все это позволило эмиру болгар назвать этих действующих лиц не только ворами и возмутителями спокойствия, но и, как уже было сказано, разбойниками и бандитами.

К сожалению, мы не знаем процесса взаимодействия внутриэтнических групп волжских болгар того времени. Очевидно, первоначально они происходили с опорой на традиции, с одной стороны, мигрантов с Северного Кавказа и, с другой – болгарских этнических групп с Волго-Донских степей. Основными лидерами этих внутриэтнических групп в 922 г. были, как описал Ибн Фадлан, эмир Алмыш и некий «самозванец» из среды сувар по прозвищу «вор, разбойник, бандит» (*вәрәх*). Основной причиной общественной смуты послужило, скорее всего, официальное принятие болгарского йылтываара религии ислам, за которым стояли забвение традиций предков. По сути, общество разделилось на две группы: традиционалистов и пассионариев. Так как последние обогатились пассионарной энергией арабов (через ислам), их деятельность обрела, как удачно отмечает И. Измайлов, радикальный характер [15. С. 633–634]. Логическое мышление мусульманина построено на жестком противоречии «своего» и «чужого», его религия легко может ориентировать человека на насильственные действия. Традиционалисты, которые почитали богатое наследие тенгрианства, опирались прежде всего на идею примирения и согласования (с предками, духами, с самим Единым Богом *Пёр Турă*). В условиях исламского государства они стремились синтезировать традиционную культуру с арабомусульманскими ценностями. Образцом такого соединения может послужить культ святых, который процветал в Волжской Булгарии, очевидно, с самого начала ее формирования.

Одну из ранее опубликованных статей мы посвятили проблеме хронологической стратификации названий духов предков и святых в чувашской народной мифологии [28]. Там рассматривается история сложения культа мусульманского святого вблизи Билярска в разных вариантах названия. Наиболее ранние из них (не позднее XII в.) имеют следующие семантики: «*Балын* отец» (*Балын ата*, кыпч.-тат.) и «*Паләм* святой» (*Паләм ырă*, булг.-чув.). Позднее *Балын* / *Паләм* стал хаджем и хозяином в разных фонетических вариантах, изменилось и имя мифологического святого (*Маалум*, *Мелим*, *Вальәм* и др.) [28. С. 316–317]. Все чувашские святилища, как и билярский святой источник, расположены у родника и холмика (возвышенного места), имели чувашское название *ырă* «святой» и мусульманский синоним *киремет* «чудо, сотворенное святым» [33. С. 297]. В поисках книжных истоков данного народного культа мы остановились на имени сына Бауры (*Балам*), который был ученым человеком, обладавшим большими знаниями и одаренным Аллахом талантом предвидения и, очевидно, врачевания [28. С. 317]. Образ мусульманского предсказателя и исцелителя совпадает с образом не только билярского святого *Балын/Паләм*, но и главного героя, исцелителя из Бухары, который вылечил царскую семью (об этой истории увлеченно пишет и упомянутый И. Измайлов [15. С. 634–635]).

Имеется очередная гипотеза, уводящая данный образ к периоду проживания части болгарских племен на Северном Кавказе. Во-первых, в состав волжских болгар вошли, как было сказано раньше, беленджерцы (*баланджар/беленджер*), в этнониме которых проглядывается основа *балан*, а *-джер* – это вариант названия *огур* [13. С. 336]. Нельзя ли связать данное, очевидно, существительное с названием мифологических предков хазар (*Булан*), которое упоминается хазарским каганом Иосифом [15. С. 666]? Если оно действительно тюркского происхождения (др.-тюрк. *bulan* «лось», тат., баш. *болан*, чув. *палан* «олень» [33. С. 395]), то это уже второй болгарский этноним, связанный с темным животным.

Культ мусульманских святых волжских болгар образовался, в чем нет причин сомневаться, путем развития ранних генеалогических преданий огуро-болгарских племен и синтеза их с литературой иудейско-мусульманского дискурса. Служители мусульманских храмов не особо поддерживали поклонение могилам святых, тем более в комплексе воды, возвышенности и рощи, но синтезированный с язычеством ислам они не смогли искоренить из жизни народа. Это есть другая сторона жизни волжских болгар, в том числе самого раннего этапа их формирования. Новое этническое сознание волжских болгар начиная с X в. начало складываться в двухуровневом режиме. На межгосударственном (внешнем) уровне они были известны как *bul'rarl* *болгар* (экзоэтноним), а на уровне региона – как *bular* / *biler* (эндоэтноним). Такой вывод напрашивается после ознакомления с литературой о болгарях на арабском, венгерском и других языках. Например, венгерский аноним, рассказывая о приходе в Венгрию (около 970 г.) болгар-мусульман, со слов болгарских мигрантов упоминал о билярской земле (*terra Bular*) и ее населении (*bilers*) [15. С. 163]. Следовательно, сами болгары идентифицировали себя эндоэтнонимом *bular/biler*. А.В. Дыбо считает, что данное слово образовано от болгаро-чувашской основы *püle* (станд.-тюрк. *balyq*) «город» + *or* «ров, укрепление» (чув. *-ar* в первом слого) [31. С. 216]. Такое произношение эндоэтнонима (*балар*) было, со слов ал-Гарнати, и в XII в. [15. С. 781]. Очевидно, новый эндоэтноним (вместо племенных названий) у болгар возник после постройки столицы *Буляр*'а, т.е. Великого города (*Мән Пулер*), но не позднее 970 г. Очевидно, перед миграцией в Венгрию часть булярцев вошла в какой-то конфликт с эмиром страны, что послужило причиной их ухода к родственному народу, проживающему далеко на западе.

Завершая вышеизложенный анализ как рукописи «Записка» («Рисала») Ахмеда ибн Фадлана (X в.), так и других источников по истории отдельных племен, вошедших в болгарский этнос, следует изложить ряд положений.

1. Из ряда этнологических проблем по этногенезу народов Урало-Волжского региона в послевоенное время наиболее сильно пострадало болгароведение, которое из-за диктуемой высшей политической властью теории автохтонного происхождения народов обрело тенденциозное направление и дух взаимной неприязненности среди казанских и чебоксарских ученых. В таких условиях зарождалась так называемая теория суварского происхождения чувашей.

2. Вошедшие в состав болгарского народа феодального государства отдельные племена, разговаривавшие на общем хазаро-болгарском языке, имевшие близкие друг к другу культуры и общую историю, почти безболезненно прошли первый этап этнической консолидации.

3. В «Записке» Ибн Фадлана частично отражен факт противостояния двух противоборствующих (не столько племенных, сколько социально-конфессиональных) групп. Это указывает на наличие в данном социуме внутриэтнического

конфликта как главного двигателя этнических процессов. Со второй половины VIII в. до 922 г. огуры-булгарские племена с Северного Кавказа и Волго-Донских степей не только притерлись друг к другу, но и вжились в новый этноландшафт, обрели общих друзей и врагов.

4. Волжские булгары создали главную этническую скрепу на основе культа предков и мусульманских святых, которые своими корнями уходят не только в период Хазарского каганата, но и в гуннскую, а также в хуннскую эпоху.

5. Не позднее первой половины X в. сложились булгарские экзоэтноним *bulgar/bolgar* и эндоэтноним *bular/biler*.

Список сокращений названий языков

баш. – башкирский, волж.-булг. – волжскобулгарский, вост.-слав. – восточнославянский, др.-булг. – древнебулгарский, др.-тюрк. – древнетюркский, кыпч.-тат. – кыпчакотатарский, огуз. – огузский, пратюрк. – пратюркский, станд.-тюрк. – стандартотюркский, тат. – татарский, турк. – туркменский, чув. – чувашский.

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Булгары и чуваша: репринтное изд. / ЧГИГН. Чебоксары, 2000. 144 с.
2. *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. Издание второе и дополненное. М.: Высш. шк., 1969. 383 с.
3. *Беленов Н.В.* Происхождение племени эсегель и его историческая роль в образовании государства волжских булгар // Наука и современность: сб. ст. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. С. 65–69.
4. *Беленов Н.В.* Расселение булгарских эсегель по данным топонимики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 3(78). С. 51–54.
5. *Беленов Н.В.* Тюрко-иранские племенные формирования и их влияние на этническую историю Волжской Булгарии // Вопросы исторической науки (II): материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 86–89.
6. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979.
7. *Гадло А.В.* Этническая общность барсилы // Историческая этнография: традиции и современность: межвуз. сб. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 79–91.
8. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Тов-во «Клышников, Комаров и К°», 1992. 511 с.
9. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия: монография. М.: ТОО «Мишель и К°», 1993. 336 с.
10. *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 312 с.
11. *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Наука, 2007. 222 с.
12. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 279 с.
13. *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа: в 2 кн. Чебоксары: Новое Время, 2017. Кн. 1. 428 с.
14. История татар с древнейших времен: в VII т. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. 551 с.
15. История татар с древнейших времен: в VII т. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. 959 с.
16. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.
17. [*Ковалевский А.П.*] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу: перевод и комментарий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с.
18. *Ковалевский А.П.* Чуваша и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. 64 с.
19. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
20. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка: переизд. с доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
21. *Моисей Каганкатвацц.* История Агван / пер. с арм. К. Патканьяна. СПб.: Имп. Академия наук, 1861. 374 с.

22. Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 161 с.
23. Плетнева С.А. Рисунки на стенах маяцкого городища // Маяцкое городище: труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984. С. 57–94.
24. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 62–75.
25. Рахно К.Ю. Булгары в осетинском нартовском эпосе // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: материалы Рос. науч. конф. с междунар. Участием (16–19 марта 2016 г.). Элиста: ЗАО «НПП “Джангар”, 2016. С. 375–379.
26. Рахно К.Ю. Небесные битвы в болгарской мифологии // Традиционная культура народов Поволжья: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (9–11 октября 2016 г.): в 2 ч. Казань: Ихлас, 2016. Ч. 2. С. 99–108.
27. Рахно К.Ю. Стол в традиционной культуре питания волжских булгар и его параллели // Традиционная культура народов Поволжья: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (13–15 февраля 2018 г.). Казань: Ихлас, 2018. С. 313–323.
28. Родионов В.Г. Хронологическая стратификация названий духов предков святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 311–321.
29. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.
30. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
31. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
32. Татарская энциклопедия. Казань: Ин-т татар. энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1. 672 с.
33. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.
34. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар: сб. науч. трудов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 5–20.
35. Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. 590 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Vitaliy G. RODIONOV

"NOTE" ("RISALA") BY IBN FADLAN AND FEATURES OF THE EARLY STAGE OF THE VOLGA BULGARS FORMATION (X century)

Key words: *Bulgar ethnogenesis, intraethnic groups, ethnonym, Khazar Khaganate, passionaries, literary genre, images, legends.*

The tribes mentioned in Ibn Fadlan's "Note" before their migration to the Middle Volga lived on the territory of the Khazar Khaganate (the North Caucasus, the Volga-Don steppes). It was there that they began to move to a settled life, as well as to converge in language and culture. The main part of the tribes genetically belonged to the Turkic-Ogurs, the ancestors of the Bersils were Persian-speaking, and the Esegels were Ugrians. Consequently, their ethnonyms were constructed in a completely different form. During the formation of the state of the Volga Bulgars, the term as-Sakaliba meant not only a specific ethnic group, but a political unification of various northern tribes. From the 10th century its place was taken by the polytonym Bolgars (Bulgars), known in the Byzantine world since the end of the 5th century and meaning the Oghur-speaking heirs of the Huns. The process of interaction between the intraethnic groups of the Volga Bulgars of that time was based on the traditions, on the one hand, of migrants from the North Caucasus and, on the other, of the Bulgar ethnic groups from the Volga-Don steppes. The main leaders of these intraethnic groups in 922 were, as Ibn Fadlan described, Emir Almysh and a certain "imposter" from the Suvars, nicknamed "thief, robber, bandit" (Vărăh). The main reason for the public unrest was the official acceptance of the religion of Islam by the Bulgarian king, which was followed by oblivion of the traditions of the ancestors. The society was divided into two groups: traditionalists and passionaries. The cult of Muslim saints of the Volga Bulgars developed through the development

of early genealogical traditions of the Oguro-Bulgar tribes. Over time, they merged with images from the Judeo-Muslim literature. The new ethnic consciousness of the Volga Bulgars since the 10th century began to function in a two-level mode. At the interstate level, the exo-ethnonym *Bulgar* is approved, and at the level of the region and the Bulgar ethnos – the endoethnonym *Bulyar*.

References

1. Ashmarin N.I. *Bolgariy i chuvashi* [Bulgarians and Chuvashes]. Cheboksary, 2000, 144 p.
2. Baskakov N.A. *Vvedenie v izucheniye tyurkskikh yazykov* [Introduction to the study of Turkic languages]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1969, 383 p.
3. Belenov N.V. *Proiskhozhdeniye plemeni esegel' i ego istoricheskaya rol' v obrazovanii gosudarstva volzhskikh bulgar* [The origin of the Esegel tribe and its historical role in the formation of the state of the Volga Bulgars]. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity]. Novosibirsk, 2011, pp. 65–69.
4. Belenov N.V. *Rasseleniye bulgarskikh esegel' po dannym toponimiki* [Settlement of the Bulgar esegels according to toponymy data]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 51–54.
5. Belenov N.V. *Tyurko-iranskiiye plemennyye formirovaniya i ikh vliyaniye na etnicheskuyu istoriyu Volzhskoi Bulgarii* [Turkic-Iranian tribal formations and their influence on the ethnic history of the Volga Bulgaria]. In: *Voprosy istoricheskoi nauki (II): materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Questions of historical science (II)»]. Chelyabinsk, Dva komsomoltsa Publ., 2013, pp. 86–89.
6. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus IV–X centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1979.
7. Gadlo A.V. *Etnicheskaya obshchnost' barsily* [Ethnic community of barsils]. In: *Istoricheskaya etnografiya: traditsii i sovremennost': mezhvuzovskii sbornik* [Historical ethnography: traditions and modernity: interuniversity collection]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1983, pp. 79–91.
8. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow, 1992, 511 p.
9. Gumilev L.N. *Tysyacheletie vokrug Kaspiya: monografiya* [Millennium around the Caspian Sea: monograph]. Moscow, 1993, 336 p.
10. Dimitriev V.D. *Voprosy etnogeneza, etnografii i istorii kul'tury chuvashskogo naroda: sb. statei* [Issues of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people: collection of articles]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2004, 312 p.
11. Dybo A.V. *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskii fond. Pratyurkskii period* [contacts of the early Turks. Lexical fund. Proto-Turkic period]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 222 p.
12. Zakhoder B.N. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope: Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv.* [Caspian collection of information about Eastern Europe: Gorgan and the Volga region in the 9th–10th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962, 279 p.
13. Egorov N.I. *Izbrannyye trudy po etnolingvogenezu i etnicheskoi istorii chuvashskogo naroda: v 2 t.* [Selected works on ethnolinguogenesis and ethnic history of the Chuvash people. 2 vols.]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ., 2017, vol. 1, 428 p.
14. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t. T. 1. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti* [The history of the Tatars since ancient times. 7 vols. Vol. I: Peoples of the steppe Eurasia in antiquity]. Kazan, Rukhiyat Publ., 2002, 551 p.
15. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t. T. 2. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step'* [The history of the Tatars since ancient times: in 7 vol. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, RukhIL Publ., 2006, 959 p.
16. Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.: stat'i, perevody i kommentarii* [Ahmed ibn Fadlan's book about his journey to the Volga in 921–922: articles, translations and comments]. Kharkov, Kharkov University Publ., 1956, 347 p.
17. [Kovalevskii A.P.] *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu: perevod i kommentarii* [Ibn Fadlan's travel to the Volga: translation and commentary]. Moscow, Leningrad, 1939, 193 p.
18. Kovalevskii A.P. *Chuvashi i bulgary po dannym Akhmeda ibn Fadlana* [Chuvash and Bulgars according to Ahmed ibn Fadlan]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1954, 64 p.
19. Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya: ucheb. pos. dlya vuzov* [Historical ethnology: textbook settlement for universities]. Moscow, Academic Proekt, Gaudeamus Publ., 2004, 624 p.
20. Lytkin V.I., Gulyaev E.S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi Book Publ. House, 1999, 430 p.
21. Moisei Kagankatvatsi. *Istoriya Agvan* [History of Aghvan]. St. Petersburg, 1861, 374 p.
22. Moskalenko A.N. *Slavyane na Donu* [Slavs on the Don]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1981, 161 p.
23. Pletneva S.A. *Risunki na stenakh mayatskogo gorodishcha* [Drawings on the walls of the Mayatskoe settlement]. In: *Mayatskoe gorodishche: trudy sovetско-bolgarsko-vengerskoi ekspeditsii* [Mayatskoe settlement: works of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 57–94.

24. Pletneva S.A. *Saltovo-mayatskaya kul'tura* [Saltovo-Mayatskaya culture] *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75.
25. Rakhno K.Yu. *Bulgary v osetinskom nartovskom epose* [Bulgars in the Ossetian Nart epic]. In: *Kochevye narody Yuga Rossii: istoricheskii opyt i sovremennost': materialy rossiiskoi nauchnoi konf. s mezhdunar. uchastiem* [Nomadic peoples of the South of Russia: historical experience and modernity: proceedings of the Russian scientific conference with international participation]. Elista, 2016, pp. 375–379.
26. Rakhno K.Yu. *Nebesnye bitvy v bulgarskoi mifologii: v 2 ch. Ch. 2. Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya*. [Heavenly battles in Bulgarian mythology. 2 parts. Part 2: Traditional culture of the peoples of the Volga region]. Kazan, Ikhlas Publ., 2016, pp. 99–108.
27. Rakhno K.Yu. *Stol v traditsionnoi kul'ture pitaniya volzhskikh bulgar i ego paralleli* [Table in the traditional food culture of the Volga Bulgars and its parallels]. In: *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya* [Traditional culture of the peoples of the Volga region]. Kazan, Ikhlas Publ., 2018, pp. 313–323.
28. Rodionov V.G. *Khronologicheskaya stratifikatsiya nazvanii dukhov predkov svyatykh v chuvashskoi narodnoi religii* [Chronological stratification of the names of the spirits of the saints' ancestors in the Chuvash folk religion]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no 4, pp. 311–321.
29. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos: issledovaniya po etnologii i mifopoetike* [Chuvash ethnos: studies in ethnology and mythopoeitics]. Cheboksary, 2017, 324 p.
30. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 767 p.
31. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. Picture of the world of the pra-Turkic ethnos according to the language]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 908 p.
32. *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. Kazan, 2002, vol. 1, 672 p.
33. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.
34. Khalikov A.Kh. *Otrazhenie kosmogonicheskikh i genealogicheskikh legend volzhskikh bulgar v arkhologicheskikh materialakh* [Reflection of cosmogonic and genealogical legends of the Volga Bulgars in archaeological materials]. In: *Iz istorii rannikh bulgar: sb. nauch. trudov* [From the history of the early Bulgars: coll. scientific works]. Kazan, 1981, pp. 5–20.
35. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2006, vol. 1, 590 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Формат цитирования: Родионов В.Г. «Записка» («Рисала») Ибн Фадлана и особенности раннего этапа формирования волжских булгар (X век) // Вестник Чувашского университета. – 2022. – № 2. – С. 98–111. DOI: 10.47026/1810-1909-2022-2-98-111.